

С помощью "клубнички" журналисту легче пробиться

Михаил ДЕГТЯРЬ — дважды лауреат национальной телевизионной премии "ТЭФИ", член Академии Российского телевидения, член Евразийской телеакадемии, член Международной академии телевидения и радио, трижды лауреат премии Союза журналистов России, мастер спорта СССР по фехтованию, вице-президент Гильдии неигрового кино и телевидения, член International Press Institute, лауреат премии ЮНИСЕФ (ЮНЕСКО) — недавно возглавил редакцию специальных репортажей телекомпании ТВ Центр. Сегодня Михаил Дегтярь гость "ТС".

— Михаил, вы столько лет работали на Российском телеканале, руководили программами "Вести в 11", "Судьбы", "Федерация", вели рубрику "Большой репортаж" в программе "Вести". И вдруг расставание с РТР и два года отсутствия в эфире... Что произошло? Наступил творческий кризис?

— Неправильно называть творческим кризисом время, потраченное не впустую. За эти годы я снял 30 фильмов, преподавал, проводил мастер-классы и даже научился классно мариновать овощи. Огурцы и помидоры такие делаю, что друзья в очередь встают!

— Где вам лучше работалось — на РТР или сейчас, на ТВЦ?

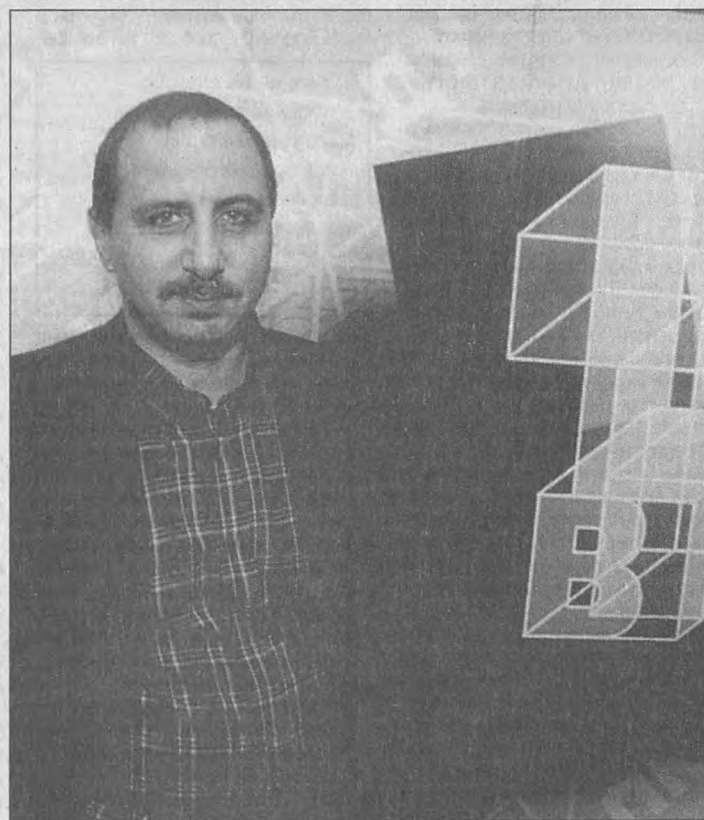
— Я очень благодарен Олегу Максимовичу Попцову, который взял на работу. Ведь два года после конфликта с Добродеевым я никуда не устраивался, потому что получал предложения, представлявшие мне достаточно унижительными. А Попцов сказал, что знает мой потенциал, и создал специальную редакцию, которую и предложил мне возглавить. В этом смысле мне легче работать на ТВЦ, потому что руководство ко мне хорошо относится, а это очень много значит. Ведь Добродеев делал все, чтобы меня не замечать, потому что понимал: я настолько самостоятельная фигура, что он влиять на меня не сможет. Кроме того, он хотел, чтобы я занимался политикой, которая меня совершенно не интересует.

— Как сделать хороший репортаж? Есть ли у вас профессиональные секреты?

— Я думаю, здесь как раз все на-

оборот: можно научить только как нельзя делать. Суть репортера, на мой взгляд, в том, чтобы рассказывать об известных вещах то, что большинству людей неизвестно. Вот это и есть сенсация, а вовсе не то, что журналистам "сливают". В нашей программе "Репортер" мы пытаемся стать тем окном, через которое зритель смотрит на мир. Вряд ли обычный человек попадет на цыганскую свадьбу и узнает, что брачная ночь у цыган проходит до застолья, и перед пиром гостям демонстрируют простыню молодых как доказательство невинности невесты. Или собственными глазами увидит, как производят элитные швейцарские часы, некоторые из которых стоят больше 3 миллионов долларов. К сожалению, этот жанр сегодня переживает кризис, и происходит это потому, что телевидение должно отражать политизированную, криминализованную и нищую жизнь нашего общества. На мой взгляд, не может быть в событиях дня первой новостью — кого-то убили, второй — взорвалась машина, третьей — утонула лодка, четвертой — изнасиловали ребенка и тому подобное, и потом погода. А что, больше ничего нет? Именно поэтому пришлось уйти с РТР, поскольку я пропагандирую охранительную журналистику и репортажи о нормальной человеческой жизни. Общество больно, и нужно как-то помочь ему выздороветь.

— Ощущение, что, кроме преступлений и катастроф, в стране больше ничего не происходит, возникает после общения с голубым экраном не только у вас. Но

М. Дегтярь

не кажется ли вам, что позиция "не хочу" не слишком-то гражданская?

— У нас довольно превратное представление о гражданственности. И о том, что может быть интересно стране. У нас хватает людей нестандартных и творческих: какой-то человек метро строит в своем доме, кто-то хочет проехать на машине под льдом — ведь это же не придуманные новости, они реально происходят, но в эфир их не дают. Дело ведь не в том, чтобы умалчивать о печальной правде нашей жизни, а в соотношении трагического и позитивного. Новостной пирог должен быть очень дозированным. Когда смотришь новости центральных ка-

налов, хочется уехать из России, а посмотришь новости в регионах — хочется в ней остаться.

— Вы рассуждаете, как какой-то телевизионный пацифист. Тем не менее не так давно на ТВЦ был показан ваш фильм "Расстрел", рассказывающий о судьбе захоронений жертв фашистского террора близ Ялты, повергший многих телезрителей в шок. Как родилась идея этого фильма?

— Летом 1994 года, гуляя неподалеку от гостиницы "Ялта", я вдруг неожиданно набрел на груды разбросанных черепов, костей и истлевших вещей. Навел справки — выяснилось, что это останки расстрелянных немцами более полувека назад

евреев — около 4,5 тысячи человек. Советские власти не удосужились даже достойно захоронить останки. Так началось мое расследование. Спустя девять лет вновь вернулся на место расстрела. И сделал фильм. Мне кажется, что в нем мера ужаса, если так можно выразиться, была соблюдена, и его показ, к счастью, не сопровождался вызовом неотложки. "Расстрел" нельзя назвать чернухой, поскольку мы рассказали о людях, погибших 60 лет назад, перед которыми наше общество до сих пор остается в долгу.

— Ваш конфликт с Добродеевым состоял в том, что вы не хотели заниматься политикой, но разве фильм "Расстрел" не имеет явной политической доминанты?

— Конечно, любой телерепортаж так или иначе связан с политикой, но Добродеев хотел, чтобы я работал в каких-то пулах, снимал министров, премьеров, Президента. На самом деле, ничего против этого я не имею, мне даже нравится наш Президент, но пусть этим занимаются другие журналисты, а я предпочитаю делать то, что мне по душе.

— С другой стороны, работа с политикой и политиками приносит журналистам большие доходы, от которых вы почему-то отказываетесь. Неужели вам не нужны деньги?

— Нет, конечно, я не сумасшедший и деньги мне нужны, но, мне кажется, я заслужил право делать только то, что мне интересно. Это главный итог всей моей работы, всех званий, премий, наград.

— Какая тема вам как репортеру представляется наиболее интересной?

— Сложно сказать, потому что я снял больше 300 фильмов, и каждый раз мною подымалась какая-то новая тема. Сейчас я заканчиваю фильм о гитаре, в котором рассказываю о многовековой истории этого инструмента, о том, как выглядит процесс производства гитар на Шиховской фабрике в Подмосковье. Интересный репортаж можно сделать о чем или о ком угодно.

— Было время, когда вас как репортера интересовали темы достаточно специфические: нудисты, салон интимных стрижек... Однажды вы даже показали акт любви между двумя лесбиянками.

— Это было лет 15 назад, думаю, я первым из наших тележурналистов сделал фильм, в котором показал женскую колонию, женскую баню, лесбиянок. Тогда было совершенно другое время, тогда хотелось чернухи. Я понимал, что с помощью "клубнички" журналисту легче пробиться, и действовал таким образом. В 1988-м в Латвии с помощью скрытых камер я снял весь процесс общения проститутки и ее клиента, начиная с уличного знакомства и вплоть до постели. Телевидение, естественно, этого не показало, но репортаж принес нам большую славу, потому что распространялся по всей стране на кассетах. А теперь я стал сторонником благоприятного кино.

— Делая карьеру на РТР, вы заняли в свое время ставку Светланы Сорокиной, это не испортило ваших с ней отношений?

— Это произошло помимо моей воли, Свету я никогда не подписывал, и хорошие отношения между нами сохранились. Правда, сейчас мы с ней общаемся меньше, но это связано только с тем, что раньше жили практически в соседних домах и частенько заходили друг к другу в гости, можно сказать, дружили семьями. А сейчас Света переехала в другой район Москвы.

— А вообще какие отношения в телевизионном мире?

— Зачастую очень плохие. Вот, например, на заседании Телеакадемии я стараюсь проходить так, чтобы не сталкиваться с некоторыми людьми, с которыми не хочется даже встречаться глазами. Впрочем, это относится далеко не ко всем.

Беседу вел
Александр
СЛАВЦКИЙ